

А.А. Худяков
Поморский гос. университет
им. М.В. Ломоносова

Проблема смысла в свете знаковой теории языка

Интересующий нас феномен смысла является объектом междисциплинарным, общим для таких наук, как логика, психология и лингвистика. Цель настоящей статьи – раскрытие сущности смысла как явления языка, определение и описание его собственно лингвистических параметров. Реализация этой цели потребует, однако, некоторых предварительных замечаний относительно статуса категории смысла в логике и психологии, без чего анализ его языковой природы был бы принципиально неполным и фрагментарным. Столь же неполным было бы и исследование смысла без обращения к его корреляту – значению, в противопоставлении которому обычно и выявляются сущностные характеристики смысла.

Впервые в заострённой форме вопрос о соотношении смысла и значения был поставлен Г. Фреге в его ставшей классической работе “Смысл и денотат” [Фреге 1977], положившей начало многочисленным попыткам анализа смысла в рамках различных логико-философских школ и стимулировавшей интерес учёных к разработке данной проблематики. Фреге ставит вопрос разграничения смысла и значения в рамках решения проблемы кореферентных имён: если два (или более) имени обозначают один и тот же денотат, чем же они отличаются – смыслом или значением? Отвечая на этот вопрос, Фреге следующим образом разводит значение и смысл: кореферентные имена или выражения экстенционально тождественны, т.е. имеют одно и то же значение, а интенционально различны, т.е. имеют разный смысл. “Понятие смысла Фреге имеет познавательную функцию: оно вводится прежде всего для решения проблемы познавательной ценности или информативности истинных утверждений тождества” [Павилёнис 1983, 48-49]. Смысл, таким образом, рассматривается как способ представления информации в знаке, а значение выводится за пределы языка во внешний мир, отождествляясь с денотатом. Характерно в этой связи то обстоятельство, что название немецкого оригинала рассматриваемой статьи (“Sinn und Bedeutung”) дословно переводится, как “Смысл и значение”, а русский перевод ставит в параллель термину “Bedeutung” (“значение”) термин “денотат”.

Фреге, таким образом, закладывает основы объективистской, антипсихологической в своей основе концепции смысла, трактующей смысл как феномен интерсубъективный, по сути не связанный с фактором пользующегося языком и интерпретирующего язык человека [см. Структура и смысл 1989, 96].

По мнению Н.Б. Вяткиной, все логико-философские концепции смысла, так или иначе отталкивающиеся от идей Фреге, можно условно подразделить на три группы. К первой группе она относит референциальные (“экстенциональные”) теории, отождествляющие смысл языковых выражений с их референтами (денотатами) и представленные трудами таких логиков, как С. Крипке и Я. Хинтиikka, к числу чьих сторонников Р.И. Павилёнис относит также Льюиса, Монтегю, Каплана и Крессвелла [Павилёнис 1983, 57]. В рамках данного подхода понятие интенционала по Фреге остаётся неостребованным, т.к. считается, что истинность языкового выражения зависит в конечном итоге не от способа представления информации в языковом знаке, а от положения дел в мире, то есть референта языкового знака. При этом Хинтиikka намечает дальнейшие перспективы исследования феномена смысла, увязывая его на этот раз с понятием информации: деля её на поверхностную и глубинную, он связывает со смыслом языковых выражений именно поверхностный её тип [Вяткина 1991, 50-55].

Ко второй группе относятся теории, связывающие смысл предложения с условиями его истинности. Типичным представителем этой группы теорий выступает, в частности, Д. Дэвидсон [Дэвидсон 1986], который при анализе смысла интенсивно использует теоретические положения семантики возможных миров, по отношению к которым и ставится вопрос истинности/неистинности пропозиций, выражаемых предложениями. В логике вообще, как отмечает Вяткина, весьма распространено представление о смысле (интенционале) предложения или о выраженном в нём суждении как о множестве возможных миров, в которых оно истинно [Вяткина 1991, 56]. Давая оценку истинностным концепциям смысла, Р.И. Павилёнис пишет: “... определение осмысленности в терминах истинности предложения таит в себе порочный круг: знание истинности предложения предполагает знание его смысла, если же известен смысл предложения, нет необходимости прибегать к понятию истинности для определения семантики предложения. Вообще дискуссия по поводу первичности понятия истины в отношении понятия смысла или наоборот, с нашей точки зрения, напоминает спор по поводу первичности курицы или яйца...” [Павилёнис 1983,

53]. В целом, концепции данного направления представляют скорее логико-философский, чем лингвистический интерес, т.к. проливают свет на общую теорию значения, мало адаптированную к реалиям языка.

К третьей группе принадлежат теории определения смысла предложения как информации, которую он несёт. Эти теоретические позиции заняты такими авторами, как М. Данн и Г. Прист. Последний, протестуя против идеологии экстенционализма, отвергает и порождаемую ею идею семантики возможных миров, находя её мало приспособленной к решению исследовательских задач в области смысла и призывает вернуться к интенциональной трактовке смысла в духе Фреге. К числу сторонников информационно-ориентированного подхода к смыслу Вяткина относит также Е.К. Войшвилло, Л. Витгенштейна в поздний период его деятельности и Дж. Остина. Вообще говоря, в рамках именно этого логико-философского подхода к теории смысла, принимающего во внимание фактор межличностной коммуникации, наиболее полно учитываются реалии естественного языка. Так, Остин, разграничивая в языке констативные и перформативные высказывания, показал неприменимость к последним критерия истинности, а, следовательно, и критерия осмысленности по Фреге. Это заставило его выработать более общее и более, так сказать, лингвистическое понимание смысла, которым охватывались бы как констативы, так и перформативы. Не менее лингвистичной оказывается и трактовка смысла в работах по теории речевых актов таких учёных, как Г. Грайс, Дж. Сёрль и Д. Вандервекен [Грайс 1985; Сёрль, Вандервекен 1986]. Смысл в рамках такого подхода трактуется как производное от условий речевого общения, предполагающих учёт фактора говорящего, слушателя, времени, места общения и т.п.

Давая общую характеристику логическим концепциям смысла, Н.Б. Вяткина (и в этом с ней трудно не согласиться) пишет, что логика как наука не находится в каком-то особом “изначальном” положении по сравнению с другими науками, а имеет свой собственный, специфический предмет – особый вид смысловой связи между языковыми выражениями, а именно связь логического следования или вывода [Вяткина 1991, 70]. Коль скоро это так, то не приходится рассчитывать, что логические концепции смысла могут быть с большой степенью пригодности и эффективности использованы при истолковании смысла в естественном языке. Как справедливо указывает Н. Мулуд, логически значимые выражения становятся незначимыми или “неозначающими”, если мерить их меркой естественных языков коммуникации, и наоборот,

выражения, имеющие в этих языках смысл, с трудом обеспечиваются логическими кодами. “Можно составить список “парадоксов”, которые по-видимому, свидетельствуют о невозможности точного перевода фраз разговорного языка в перечень строгой денотации или вывода. Эта “обоюдная непроницаемость” двух типов языка приводит к мысли о каком-то категориальном нарушении” [Мулуд 1979, 266]. И далее в развитие той же мысли: “Анализ обычных фраз повседневной речи подчёркивает характер связей схем действия, их включение в более или менее сложные “программы”; он увенчивается построением речевой модели, весьма отличной от той, которую предлагают “номиналистические” учения о референции” [там же, 238].

Обратим теперь своё внимание на сторону, противоположную той, на которой стоит логика. Её антиподом в плане разработки теории смысла является психология, которая отказывается от объективистского, intersubjectного, общезначимого понимания смысла в пользу трактовки его как феномена субъективного, личностного, индивидуального. Заметим, что и в психологии, смысл, как правило, рассматривается в противопоставление значению, а само это противопоставление утвердилось с появлением в 1934 году классической работы Л.С. Выготского “Мышление и речь” [Выготский 1934]. Ученик и последователь Выготского А.Р. Лурия следующим образом характеризует рассматриваемую дистинкцию: “Под смыслом, в отличие от значения, мы понимаем *индивидуальное значение слова*, выделенное из этой объективной системы связей, оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и к данной ситуации. Поэтому если “значение” слова является объективным отражением системы связей и отношений, то “смысл” – это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации” [Лурия 1979, 53]. Такая интерпретация соотношения смысла и значения наталкивается на возражения К.К. Жолья, который определяет её как квазипсихологическую, т.к. она, по его мнению, делает смысл эпифеноменом значения, мышление (единицами которого являются смыслы) эпифеноменом сознания (единицами которого являются значения), уничтожая границу между ними¹ [Жоль 1990, 68]. Такая критика не представляется нам достаточно убедительной, т.к. исходит из предположения о равновеликости, симметричности,

---

¹ Отметим, что в одной из своих предшествующих работ К.К. Жолья определял разницу между значением и смыслом по-иному, вне проблемы разграничения сознания и мышления: языковое значение определялось им как принадлежащее общественному сознанию, а языковой смысл как принадлежащий индивидуальному сознанию [Жоль 1984, 10-11].

параллелизме смысла и значения, сосуществующих каждый в своей сфере бытия – первый в сфере мышления, второй в сфере сознания и эти две сферы репрезентирующих. Как мы попытаемся показать ниже с лингвистической точки зрения смысл и значение противопоставлены друг другу на несколько иных основаниях, причём оба относятся к одной сфере – сфере мышления.

Психологический ракурс рассмотрения смысла приводит Лурия к лингвистически релевантным выводам: “Уже в относительно простых речевых высказываниях или сообщениях наряду с внешним, открытым значением текста есть и его внутренний смысл, который обозначается термином *подтекст*. Он имеется в любых формах высказываний, начиная с самых простых и кончая самыми сложными. <...> Психологически очень важно изучить пути перехода от текста к подтексту, от внешнего значения к внутреннему смыслу” [Лурия 1979, 244]. Изучение взаимоперехода значения в смысл и смысла в значение и вообще их взаимосвязи является не только психологически, но лингвистически важной задачей, к решению которой мы приступаем в дальнейшем изложении.

В лингвистической литературе феномену смысла традиционно уделяется большое внимание, и разброс мнений по этому вопросу чрезвычайно широк. Одни авторы при анализе смысла делают акцент на общесемиотической компоненте содержательной стороны языкового знака, приближаясь в какой-то степени к трактовке смысла в духе логических теорий. Другие обращают внимание на когнитивно-познавательный аспект смысла, устанавливая его корреляции с концептуальной системой человека. Третьи в своих исследованиях делают упор на анализ смысла с собственно лингвистических позиций, раскрывая его характеристики через противопоставление языковой системы и речевой деятельности. Положение осложняется тем, что указанные подходы редко встречаются в, так сказать, чистом виде; достаточно типичной является ситуация совмещения разных ракурсов рассмотрения статуса смысла в рамках единой концепции.

Начнём с рассмотрения концепции смысла Ю.С. Степанова, излагаемой им в рамках семиологической грамматики. Объектом приложения теории смысла (и значения) в семиологической грамматике является предложение в виде структурной схемы или пропозициональной функции, т.е. рассматриваемое как статичный языковой знак, разделяющий эту свою знаковую природу с именем. В предложении выделяются две семантические сферы: экстенционал, денотат или референт, как обозначение факта действительности, с одной стороны, и интенционал, сигнификат или

смысл, как некая мысль об этом факте, с другой. Характерно, что, используя при описании семантики предложения изначально логические термины интенционал и экстенционал, Степанов ставит и решает применительно к предложению чисто логическую проблему – проблему истинности/неистинности высказывания: “...интенционал, смысл предложения – это нечто более общее, чем истина или ложь, нечто, что может соответствовать или истине или лжи. Сущность интенционала можно – до некоторой степени – пояснить на примере двух связанных сложных предложений: Верно, что (в Арктике живут белые медведи); Неверно, что (в Арктике живут белые медведи) – часть, взятая в скобки, есть в более или менее “чистом” виде интенционал, или смысл, тогда как всё высказывание в целом есть одна истина, другое ложь. Таким образом, смысл предложения лежит в интенциональной области, в то время как “истина” или “ложь” – в экстенциональной. Иными словами, истинность или ложность есть не проблема смысла, а проблема значения предложения” [Степанов 1981, 12]. С нашей точки зрения, проблема истинности или ложности не является проблемой не только смысла, но и значения предложения и, шире, вообще языка, так как, по справедливому замечанию О.В. Труновой, проблема истинности/ложности высказывания является иррелевантной для лингвистики, так как в языке не существует формальных маркеров, позволяющих отличить истинные высказывания от ложных [Трунова 1991, 7].

Результатом так понимаемого Степановым разграничения смысла и значения является и разграничение им денотативной (экстенциональной) и смысловой (интенциональной) синонимии. Трансформации предложения (например, залоговые) ведут к смысловой синонимии, но денотативной нетождественности; перифрастические же преобразования сентенционального знака, не затрагивая его денотат, изменяют его смысл [Степанов 1981, 13].

В том же логико-семиотическом ключе трактует феномен смысла и И.И. Ревзин, который также определяет его как способ представления денотата в знаке. Далее, однако, ход мыслей Ревзина совершенно иной, чем у Степанова. Выделяя перифрастический и категоральный смысл, он определяет первый, как множество всех знаков, в которые перифразируется данный знак, а само множество таких знаков называет перифрастическим набором; второй же тип смысла дефинируется как тот способ представления объекта в знаке, который определяется чисто языковыми особенностями означающего [Ревзин 1977, 36-40]. Перифрастический смысл Ревзина имеет лишь отдалённое отношение к перифразам как виду языкового преобразования Степанова: перифрастический смысл

может быть как различным, так и тождественным, перифразы же определяются как имеющие только нетождественный смысл. К тому же перифрастический смысл приписывается языковым знакам любого уровня; перифразы, напротив, ограничены лишь уровнем предложения. Категориальный смысл Ревзина тесно связан с понятием внутренней формы языковой единицы (в первую очередь лексической) и не может быть поставлен в соответствие какой бы то ни было аналитической абстракции в концепции Степанова. Для концепции смысла Ревзина характерна ещё одна особенность, отличающая её от подавляющего большинства других, будь то логические, психологические или лингвистические концепции – в ней смысл рассматривается вне противопоставления значению. И тем не менее можно отметить одно важное обстоятельство, роднящее теории смысла Степанова и Ревзина, а именно: интерпретация смысла языковых знаков в отрыве от порождающих эти языковые знаки носителей языка, от коммуникативного процесса, всегда осуществляемого в определённом лингвистическом и нелингвистическом контексте.

Несколько иной ракурс трактовки смысла представлен в концепции тех авторов, которые связывают его с концептивным субстратом языка. Одной из наиболее развёрнутых концепций такого рода является понимание смысла Р.И. Павилёнисом, согласно мнению которого смысл есть часть индивидуальной концептуальной системы человека как система его мнений и знаний о мире, носящем доязыковой и внеязыковой характер и отражающей его доязыковой и языковой познавательный опыт [Павилёнис 1983, 12]. Другими словами, смысл, или концепт, по Павилёнису есть “...*информация относительно актуального или возможного положения вещей в мире* (т.е. то, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира)...” [там же, 102]. В одной из своих последующих работ учёный обосновывает следующие четыре положения относительно интересующей нас проблемы:

“а) смысл является не частью некоторой абсолютной “семантики языка”, а частью того, что...называется “*индивидуальными концептуальными системами*”, т.е. системами ложной и истинной информации, отражающими познавательный – *невербальный и вербальный* – опыт индивида;

б) усвоение языка основано на существовании достаточно когнитивно богатой *концептуальной структуры*;

в) понимание есть *интерпретация в определённой концептуальной системе*, построенной из взаимосвязанных концептов-смыслов, составляющих когнитивно базисные подсистемы *мнения и знания*;

г) именно мнения составляют основу ориентационного отношения человека к миру и являются собой критерий *субъективной значимости* мира” [Павилёнис 1986, 240-241].

Такая трактовка смысла хоть и является лингвистически релевантной, но всё же имеет скорее философское, общеметодологическое звучание, чем собственно лингвистическое. Более ориентированными на задачи исследования языкового материала являются концепции смысла, сформулированные, в частности, в нижеследующих работах. Так, смысл отождествляется с концептом в теории Н.Н. Болдырева, согласно мнению которого сутью коммуникативного акта является обмен смыслами, или концептами с помощью языковых единиц [Болдырев 1999, 16]. При этом проблема соотношения смысла и значения также не выпадает из поля зрения автора – значение рассматривается как тот же смысл, только системно закреплённый, “системное значение слова описывает стоящий за ним концепт, и в речи на основе этого значения формируется соответствующий смысл” [там же, 17]. Смысл трактуется и как реализующийся на сентенциональном уровне и представляющий собой в таком случае интегративный результат взаимодействия лексических и грамматических концептов [там же, 18].

Согласно мнению Т.А. Фесенко, смысл интерпретируется в качестве “сгустка” информации об актуальном или вероятном положении дел в реальном мире, который включает всё, что человек думает, представляет, воображает, предполагает или знает об объектах мира, и как таковой отождествляется с концептом [Фесенко 1999, 113]. Сопоставимое понимание смысла находим и у Н.В. Костенко, в чьей трактовке смысл, или концепт, является глобальным, диффузным отражением какой-либо денотативной ситуации во всей её цельности, без анализа и расчленения [Костенко 1998, 35]. Список авторов, с чьей точки зрения смысл идентичен концепту, может быть легко продолжен. По нашему же мнению, такого рода отождествление не вполне правомерно и вот почему.

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что концепты могут обозначаться словами; слова же как языковые знаки имеют значения – значения вообще нередко определяются как концепты, связанные знаками [Никитин 1996, 88]. Но коль скоро это так, то тогда наряду со значениями слов правомерно говорить и о смыслах слов, что ведёт к теоретическим трудностям двоякого рода. С одной стороны, подобное утверждение ведёт к выводу о возможности исчисления (скажем, в форме словарной статьи) смыслов слова подобно исчислению его значений. Однако, по мнению М.В. Никитина, которое мы разделяем, в лексикографической практике дело обстоит

следующим образом: “нельзя...сказать “сколько смыслов этого слова фиксирует словарь”, надо: “сколько значений...” [там же, 392]. Иначе говоря, естественный язык в силу каких-то причин отказывается от использования термина “смысл” для обозначения поименованных словесными знаками концептов в пользу термина “значение”. Стало быть, лексические значения не есть смыслы, но тогда, может быть, они есть обозначения смыслов? Если это так, то в таком случае всякая разница между смыслом и концептом окончательно исчезает, и нам придётся констатировать наличие избыточного терминологического ряда для именованых сущностей, объективируемых во внешней знаковой форме с помощью слов.

С другой стороны, никто из сторонников отождествления смысла и концепта не оспаривает наличия смысла у предложения, что приводит к ещё одной терминологической проблеме: следует ли постулировать наличие в языке двух типов смысла (смысл 1 – лексический и смысл 2 – сентенциональный), так как ясно, что предложение не есть конгломерат составляющих его слов, и, следовательно, его смысл не будет результатом механического суммирования их смыслов. Отметим, что в отношении термина “значение” такой проблемы не возникает, так как значение привычно делится на различные подвиды и рассматривается как относящееся ко всем знаковым уровням языковой системы. Остаётся предположить, что слово не является экспликатором смысла, и смысл поэтому не есть, строго говоря, концепт (сравнить также мнение С.А. Васильева о том, что смысл не сводится к понятию о предмете [Васильев 1988, 87]).

Мы полагаем, что решение проблемы смысла с лингвистических позиций может быть найдено в несколько иной плоскости, при этом первостепенное значение приобретает учёт двух взаимосвязанных противопоставлений: слова и предложения, с одной стороны, и языковой системы и речевой деятельности, с другой. Остановимся на этом более подробно.

Как известно, язык в широком смысле, имея знаковую природу, представлен знаками разного рода, важнейшими из которых являются слово и предложение. Вопрос об их значимостном статусе в языке решался разными авторами по-разному. Так, К. Бюлер, критикуя распространённое среди лингвистов и психологов XIX века мнение о том, что в языке первично предложение, а не слово, высказывается в пользу признания равновеликости, равноценности слова и предложения: “Предложение также не может существовать до слова, как и слово до предложения, поскольку они являются коррелятивными элементами одного и того же (скорее всего достаточно продвинутого) состояния человеческого языка <...>

Абстрактная схема предложения без словесного наполнения также не может существовать, как какое-либо отношение без членов этого отношения” [Бюлер 1993, 70-71]. Этой точке зрения противостоит другая, согласно которой языковая номинация подчинена языковой коммуникации и, соответственно, слово предложению: “И если из чего и состоит язык, то разве только из целых предложений. Ведь язык есть орудие общения, а общение предполагает те или иные высказывания, понятные тем, кто владеет данным языком. Но высказывание чего-нибудь о чём-нибудь есть приписывание чего-нибудь чему-нибудь, частичное или полное отождествление чего-нибудь с чем-нибудь или, попросту говоря, предиктивное чего-нибудь о чём-нибудь, т.е. выражаясь грамматически, то или иное предложение. В современной науке роль предложения, а также его различные формы и типы изучены весьма глубоко. И можно сказать, что никакой лексики без предложения вообще в живом языке не существует. Всякая живая лексика уже так или иначе пропозициональна” [Лосев 1982, 246].

С А.Ф. Лосевым солидарны и многие другие авторы. Так, В.М. Солнцев, говоря о значимости синтаксической конструкции для реализации грамматико-семантических свойств входящих в неё лексических единиц, пишет, что именно в рамках действия синтаксической конструкции как бы уже заданы те синтаксические связи, в которые могут вступать слова, а также задан характер реализации их валентностных потенциалов [Солнцев 1977, 297]. Аналогичное суждение высказывает В.Б. Касевич, замечая, что слово вне синтаксической конструкции, даже грамматически оформленное, неопределённо и синтаксически, и семантически [Касевич 1988, 242]. Размышляя о роли предложения в языке в его соотношении со словом, Р.Г. Авоян указывает, что исходным пунктом исследования языкового процесса должно быть признано не слово, а предложение, т.к. без предложения не может быть ни мысли, ни сообщения мысли другому, ни средства воздействовать на поведение людей. Предложение, по мысли учёного, есть не только форма языка, но и форма деятельности, ибо посредством предложения человек не только мыслит, но и действует: если жизнь языка – в действии, то предложение и есть способ действия. Вообще понимание языка напрямую увязывается автором с пониманием именно предложения. По контрасту, значения слов в словаре являются абстракциями от их естественной среды – предложения. “То, что они относятся к миру, создаёт иллюзию, будто их значения не зависят от того предложения, в котором они употребляются. Бытие слова вне предложения есть абстракция” [Авоян 1985, 69-70, 94].

К заключению о примате предложения над словом приводит и проводимый Э.Д. Сулейменовой анализ роли языковой номинации и коммуникации. По её мнению, номинация и как процесс, и как определённая система средств, формируется только в условиях коммуникации, самостоятельность и независимость номинации от коммуникации только относительна – свойства номинации полностью реализуются и раскрываются только в процессах коммуникации. Далее она пишет в развитие этой же мысли, что всякая материализация результатов мышления прежде всего ориентирована на сообщение, поэтому неполным оказывается представление о номинации как неизменном и самодостаточном компоненте языка, а о номинативной деятельности как о создании, поиске, выборе и простом воспроизведении имён [Сулейменова 1989, 8]. Отсюда правомерен вывод о ведущей роли предложения в качестве реализатора функции коммуникации по отношению к слову в качестве реализатора функции номинации. С точки же зрения знаковой теории языка некоторые авторы даже отказывают единицам лексического уровня в знаковом статусе, резервируя его для предложений. Например, Ю.Н. Сыроваткин, вслед за Л. Приетом, Э. Бейсансом и В.Г. Гаком, рассматривает уровень предложения-высказывания как собственно знаковый, трактуя единицы низлежащих уровней, в частности, слова, как субзнаки [Сыроваткин 1978, 25].

Соответствующим психологической реальности признает приоритет предложения над словом и У.Кинч. Анализируя результаты психолингвистических экспериментов Миллера, Хайзе и Лихтена, он отмечает, что, в частности, знаменательные слова, предъявляемые испытуемым в условиях шумовых помех, распознаются более точно в контексте предложения, чем в качестве изолированных единиц в форме списка. Сентенциональные контексты, таким образом, способствуют семантизации слов, сужая выбор альтернативных вариантов, которые слушающий потенциально готов воспринять. Схожие результаты были получены и при анализе эксперимента по восприятию слов в составе грамматически правильных и аграмматичных построений: испытуемые легче идентифицируют лексические единицы в составе грамматически правильного контекста. Как далее указывает Кинч, Миллер отвергает теорию, согласно которой речь организуется на «пословной» основе ('word-for-word basis'), на том основании, что такая стратегия построения высказывания предполагала бы принятие слишком большого количества решений со стороны говорящего, что повлекло бы неизбежное замедление темпа речи. По Миллеру, слушающий воспринимает больший объем информации,

чем отдельное слово – при перцепции слов в грамматически правильном контексте слушающий использует свое знание языка с тем, чтобы организовать набор слов в знакомые и понятные модели [Kintsch 1970, 428].²

Если согласиться с вышеприведёнными высказываниями о примате предложения над словом, а также если признать правильной мысль о том, что истинной и конечной целью языка является осуществление операций над смыслами (а не значениями, о чём подробнее ниже), то напрашивается вывод о возможности рассмотрения феномена смысла применительно лишь к уровню предложения, но никак не слова. Предложение же правомерно рассматривать в двух модусах – как уровень организации языковой системы и как актуализацию этого уровня в речевой деятельности. Природа смысла в решающей степени будет зависеть от того, в каком из аспектов (системно-статическом или деятельностно-динамическом) рассматривается предложение.

Характер смысла предложения как языкового знака определяется В.М. Солнцевым следующим образом: смысл предложения возникает в результате целого ряда языковых факторов, к числу которых относятся конкретные слова языка, конструкции (или модели), определяющие общее конструктивное значение предложения, само это значение, в сфере и на фоне которого взаимодействуют индивидуальные значения слов, грамматические правила данного языка, регулирующие сочетаемость/несочетаемость слов и способы их соединения. При этом слова в формирующемся предложении приобретают функциональные значения, соотношение которых фактически формирует общее конструктивное значение предложения; конкретный же смысл предложения возникает в результате взаимодействия общего значения предложения и значений отдельных слов, отягчённых в предложении функциональными значениями [Солнцев 1977, 300-301]. Развивая мысль о взаимодействии общего конструктивного значения предложения со значениями входящих в его состав слов, автор приходит к выводу о нелинейном характере такого взаимодействия, т.к. значения входящих в предложение слов органически входят в общее конструктивное значение, конкретизируя его; последнее выступает в качестве организующего момента при формировании смысла. “Накладываясь” друг на друга, общее конструктивное значение и значения слов обнаруживают, таким образом, нелинейное взаимодействие. Говоря о многоаспектном и

---

² Однозначно отдаёт приоритет предложению перед словом и Л. Витгенштейн, заявляя, что имя обретает значение лишь в контексте предложения [Витгенштейн 1994, 13].

разнообразном характере взаимодействия разноуровневых значений в предложении, Солнцев приходит к заключению о несуммативной природе его смысла, т.е., по сути, о невозможности сведения смысла предложения как к совокупной сумме значений составляющих его лексических единиц, так и к “чистому” конструктивному значению без учёта семантики конститuentов конструкции [там же, 311-312]. Таким образом, смысл предложения как относительно стабильного и статичного языкового знака может быть исчислен, т.к. принципиально конечны и обозримы генерирующие его параметры, а именно: модель предложения, по которой оно строится, значения входящих в его состав имён, а также правила их комбинаторики. Такой смысл условимся называть узуальным смыслом предложения.

Второй модус бытия предложения есть его функционирование в качестве высказывания в речевой коммуникации. Правомерно ожидать, что смысл предложения-высказывания, т.е. речевой смысл будет характеризоваться иначе, чем смысл предложения как виртуального языкового знака. Как полагает А.В. Бондарко, речевой смысл результирует из взаимодействия и взаимосвязи следующих компонентов:

- 1) эксплицитная языковая (по своему источнику) информация, вытекающая из взаимосвязи и интеграции речевых реализаций языковых значений в данном тексте, выраженных формальными языковыми средствами;
- 2) имплицитная контекстуальная информация, не выраженная непосредственно языковыми средствами данного текста, но вытекающая из его соотношения с более широким контекстом;
- 3) прагматическая информация, вытекающая из эмоциональных, экспрессивных, образных и других стилистических элементов текста;
- 4) неязыковая информация – ситуативная (связанная с речевой ситуацией) и энциклопедическая (связанная со знанием и опытом говорящего и адресата) [Бондарко 1976, 13-14].

Идея противопоставленности различных видов смысла в рамках противопоставления более общего порядка (язык/речь) находит своё развитие и в других трудах А.В. Бондарко. Так, в одной из его недавно опубликованных статей говорится о том, что в понятии “смысл” могут быть выделены два аспекта: системно-категориальный и речевой. Имеются в виду, с одной стороны, такие понятия, как семантическая (мыслительная, понятийная, когнитивная, ноэматическая) категория, предикатно-аргументная структура, а с другой – речевой, актуальный смысл, смысл высказывания и текста. В первом случае речь идёт о категориях и категориальных структурах как элементах когнитивной системы, о

системе смыслов, а во втором – о смыслах, связанных с процессами и результатами мыслительно-речевой деятельности. Таким образом, в сфере смысла намечаются различия, сходные с соотношением языка и речи [Бондарко 1998, 23].

Сопоставимую трактовку смысла предложения-высказывания находим у Д.А. Сальковой, согласно мнению которой значение предложения, представляющее собой определённый набор лексических и грамматических сем его конструкции, соотносится с его смыслом, как соотносятся постоянные (или высокочастотные) семантические компоненты и случайные. Смысл предложения в данной концепции рассматривается как складывающийся на основе значения связанных в конструкцию его составляющих и многих факторов за пределами конструкции. Значение предложения, таким образом, поддаётся моделированию, которое осуществляется путём регистрации частотности отдельных лексических и грамматических значений в наполнении синтаксической конструкции и в её окружении. “Значение синтаксической конструкции устанавливается с опорой на содержательные характеристики постоянно повторяющихся лексических и грамматических единиц и их отношения” [Салькова 1983, 16, 34]. Напротив, смысл как результат действия случайных факторов, лежащих за пределами лексико-грамматической структуры предложения, моделированию не поддаётся. Условимся смысл предложения-высказывания, производный от разнообразных ситуационных и контекстных факторов коммуникации, именовать окказиональным смыслом.

Неразличение двух указанных типов смысла ведёт к некоторым методологическим трудностям. Например, затруднительным оказывается решение вопроса о возможности/невозможности исчисления смыслов, их типологизации. Так, исследуя смысл предложения-высказывания с точки зрения лингвистики общения, И.П. Тарасова в качестве одной из задач формулирует уточнение номенклатуры смыслов, необходимых для описания смысла предложения-высказывания в функциональном аспекте [Тарасова 1992, 3]. При этом общение понимается как специфическое взаимодействие индивидов-коммуникантов, каждый из которых при осуществлении коммуникативного акта играет определённую социальную роль. Множество же социальных ролей, как признаёт автор, является, скорее всего, открытым [там же, 11, 13]. Но если множество социальных ролей, оказывающих определяющее влияние на характер порождаемых смыслов, является открытым, то каким же образом может оказаться закрытым список результирующих смыслов? Дилемма оказывается неразрешимой, если пренебречь разграничением смысла на узувальный и окказиональный. Первый

принципиально обозрим, второй – нет, поскольку смысл предложения-высказывания, как справедливо отмечает Тарасова, не сводится к тем собственно лексическим и грамматическим содержательным компонентам, которые могут быть установлены, соответственно, по словарям и грамматикам [там же, 39]. Его генерирование и рецепция связаны с различными ипостасями Я коммуниканта, кроме того он формулируется от имени той или иной психологической роли, а также с позиций социальной роли, “исполняемой” коммуникантом в данной ситуации общения. “Смысл предложения-высказывания, функционирующего в составе процесса общения, отражает реализуемые коммуникантами стратегии и тактики, а они охватывают общее построение диалога, социальные и психологические роли коммуникантов, а также особенности их речевого поведения” [там же, 13, 18]. Следовательно, не приходится ожидать, что обусловленный столь многочисленными и разнообразными факторами (ситуацией и контекстом общения, социальным и психологическим статусом коммуникантов, их психическим состоянием и индивидуальными привычками и навыками речевого общения и т.п.) речевой смысл может быть подвергнут типологизации и исчислению в виде номенклатуры.

Отметим, что сама идея разграничения узуального и окказионального смысла не нова. В одной из хронологически новейших трактовок она формулируется под следующим углом зрения: “Смысл может быть окказиональным. Обычно в лингвистике говорят о прямом и переносном или непрямом смысле предложения или другого речевого произведения. Можно как прямой рассматривать узуальный смысл, т.е. смысл, соответствующий значениям лексических и грамматических единиц, составляющих предложение, но, безусловно, проблема прямого/непрямого смысла решается не так легко и пока остаётся вообще неразрешённой” [Актуализация предложения 1997, 200]. Мы же на данный момент установим, что два типа смысла – узуальный и окказиональный – коррелятивны двум модусам бытия предложения – предложению как виртуальному языковому знаку и предложению как актуальному речевому знаку. Узуальный смысл предложения, будучи производным от системно закреплённых языковых значений (конструктивного значения, первичных и/или наиболее частотных значений имён и правил их комбинаторики), является относительно стабильным, прогнозируемым с высокой степенью вероятности и

потому потенциально поддающимся исчислению.³ Окказиональный же смысл предложения, будучи производным не только от системно закреплённых значений, но и от целого ряда факторов за их пределами, является переменным, трудно уловимым, ускользающим от аналитических процедур, уникальным для каждого отдельного акта речи, а потому часто не только не совпадающим с узуальным смыслом, но и отклоняющимся от него иногда до степени вхождения в прямое противоречие с ним. По этому поводу Т.А. Аполлонская, Е.В. Глейбман и И.З. Маноли отмечают, что “одна и та же синтаксическая конструкция с одним и тем же лексическим наполнением, имея одно и то же системно-языковое значение (в нашей терминологии узуальный смысл – А.Х.), может быть использована для выражения разных смыслов (т.е. окказиональных смыслов – А.Х.)” [Аполлонская, Глейбман, Маноли 1987, 19]. “Трудно исчислить и предугадать весь набор возможных смыслов, так как они ситуативны и подчас наделены чертами неповторимости” [там же, 20]. К выводу о невозможности дать реестр окказиональных смыслов подводит и следующее наблюдение А.Ф. Лосева: “Такую фразу, как *Вы удивительно умны*, можно произнести и очень сухо, и без всякого настроения, чисто объективно, и с похвалой, доходящей до восторга, и с порицанием, доходящим до иронии, и даже до совершенно обратного смысла” [Лосев 1982, 131]. Возможно, осознание именно такой “зыбкой” природы смысла привело В.А. Михайлова к мысли о том, что понятие смысла относится к числу крайне неопределённых в науке и, как следствие, к сомнению в том, что ему можно дать строго научную экспликацию [Михайлов 1992, 117].

Справедливости ради следует признать, что деление смысла на узуальный и окказиональный иногда принципиально игнорируется, при этом под смыслом понимается то, что было описано выше как окказиональный смысл, узуальному же смыслу отводится статус псевдосмысла [Звегинцев 1976]. Следствием такого подхода является сохранение статуса предложения лишь за предложением – высказыванием, т.е. есть речевым знаком и квалификация предложения как языкового знака псевдопредложения. Законченность смысла вкупе с ситуационностью вообще рассматривается в качестве двух определяющих признаков предложения: “Смысл есть принадлежность предложения, - если смысл наличествует в последовательности слов или даже в одном слове, есть и предложения, если нет смысла, то нет и предложения.

---

³ ср. “Но задать узуальные смыслы, например в виде тезауруса, подобного тезаурусу Роже, вероятно, возможно” [там же, 198].

При этом понятие законченности, которое фигурирует во многих определениях предложения, и на которое опирается и это рассуждение. По правде говоря, не очень-то правомерно в отношении смысла. Нет никакой надобности отдельно говорить о законченности смысла: если он существует, он всегда закончен. Незаконченного же смысла или какого-нибудь “полусмысла” не может быть” [там же, 177]. И далее: “Согласование значимого содержания предложения с ситуативными потребностями акта общения и образует смысл” [там же, 193].

Отсюда один шаг до концепции М.М. Бахтина, в которой смысл трактуется уже не только как явление сугубо речевое, но и как явление надсентенциональное, контекстно и даже интертекстуально обусловленное: “Целое высказывание- это уже не единица (и не единица “речевого потока” или “речевой цепи”), а единица речевого общения, имеющая не значение, а смысл, т.е. целостный смысл, имеющий отношение к ценности, к истине, красоте и т.п. – и требующий ответного понимания, включающего в себя оценку)” [Бахтин 1979, 355]. Несколько ниже он пишет: “Смысл потенциально бесконечен, но актуализоваться он может лишь соприкоснувшись с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности (как и слово раскрывает свои значения только в контексте). Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Не может быть единого (одного) смысла. Поэтому не может быть ни первого, ни последнего смысла, он всегда между смыслами, звено в смысловой цепи, которая только одна в своем целом может быть реальной. В исторической жизни эта цепь растет бесконечно, и потому каждое отдельное звено ее снова и снова обновляется, как бы рождается заново” [там же, 350-351].

Как видно из этих высказываний М.М. Бахтина, смысл трактуется им предельно широко, обнаруживая, по сути, надзнаковый характер, и, как следствие, выпадая из области компетенции лингвистики. Подобным образом интерпретируемый, он предстает как явление не языкового и даже не речевого, а скорее культурного порядка, всякий раз столь уникальное и полифакторное, что кажется таким же неуловимым и загадочным, как кантовская вещь в себе. Излишне говорить, что всякая попытка описания механизмов порождения смысла в рамках знаковой теории языка при таком подходе заранее обречена на неудачу. Придется поэтому сузить понятие смысла до характеристики предложения языкового и предложения речевого, вернуться к идее деления смысла на узувальный и окказиональный восстановив тем самым лингвистику в праве на его изучение.

Обратимся теперь к рассмотрению (по необходимости кратко) обозначенной выше проблемы соотношения смысла и значения уже в резюмирующей форме. Для начала будет уместно дать слово лингвистам, уже высказывавшимся по этому поводу. “Смысл – это цель, по отношению к которой значения входящих в предложения единиц (их денотативные и сигнификативные компоненты, экстенционалы и интенционалы) выступают как средства ее достижения” [Актуализация предложения 1997, 199]; “значение и смысл диалектически связаны и детерминируют друг друга. Смысл возможен постольку, поскольку существуют значения. Значения существуют не сами по себе, а ради смысла” [Аполлонская, Глейбман, Маноли 1987, 97]; “Обращение к человеку – участнику коммуникативных и когнитивных процессов – показало, что вся семантика языка и языковых единиц вписана в смысл. Значение и смысл взаимнеобходимы” [Сулейменова 1989, 9]; “...генетически языковые значения, как и все прочие единицы языка, вторичны и являются результатом разложения смысла предложения как единицы речи” [Звегинцев 1976, 193]. К мысли о телеологической вторичности значения по отношению к смыслу склоняется и М.М. Бахтин [Бахтин 1979, 297].

Таким образом, бытующее в лингвистике понимание языка как некоего устройства или системы для генерирования, передачи и хранения значений верно лишь отчасти. Оно верно в той степени, в какой язык рассматривается как система знаков, в структуре которых ведущая роль принадлежит десигнатной части по отношению к десигнаторной. Оно объяснимо как здоровая реакция лингвистического сообщества на асемантическую лингвистику дескриптивного периода. Оно, однако, нуждается в кардинальной ревизии как только на сцену выступает проблема смысла, и вопрос стоит уже не о функциональном приоритете одной стороны языкового знака перед другой, а о функциональном приоритете взятого в целом знака, с одной стороны и процесса коммуникации, с другой. Ответ на этот вопрос достаточно очевиден: коммуникация имеет своей целью трансляцию смыслов от одного индивида к другому, и осуществляется она в форме (или посредством) языковых знаков.

Подтверждают этот вывод и некоторые наблюдения над процессом речепорождения, эксплицирующие последовательность кодовых преобразований смыслов и значений. Так, Е.С. Кубрякова полагает, что в самом общем случае процесс порождения речи, начальным толчком к которому служат мотив и замысел коммуникативного акта, протекает путем формирования мысли с кристаллизацией группы личностных смыслов через этап

перекодирования этих смыслов в языковые значения, связанные с определенными типами знаков и заканчивается организацией этих языковых знаков во внешнее речевое высказывание [Кубрякова 1991, 46]. Отсюда видно, что языковые знаки (и языковые значения как их компоненты) служат своего рода “средствами доставки” личностных смыслов от одного коммуниканта к другому и вообще “...смысл может быть выражен, поскольку есть язык и выраженные в нем базовые, или исходные, значения, а также принципы их распределения” [там же, 31]. Смыслы рассматриваются в качестве нейрофизиологического субстрата знаковых элементов (а значит, и значений) сообщения и С.Н. Сыроваткиным [Сыроваткин 1979, 34]. В.С. Храковский также считает необходимым определить суть процесса коммуникации как кодирование и декодирование смыслов соответственно говорящим и слушающим с помощью языковых средств [Храковский 1985, 91]. Из сказанного видно, что отношение смысла к значению как цели к средству подтверждается и в исследованиях по порождению речи.

Подведем некоторые итоги. Смысл, рассматриваемый с собственно лингвистических (а не логических или психологических) позиций, представляет собой мыслительное содержание, которое в ходе коммуникативного процесса один индивид передает другому посредством языковых знаков. Рассматриваемый с точки зрения речепорождающего процесса личностный смысл имеет внеязыковой (вернее, доязыковой) характер; он обретает “плоть”, будучи вложенным автором сообщения в некую языковую структуру, посредством которой он передается от одного коммуниканта к другому и в которой он получает объективное существование. Лингвистический статус такой структуры определяется как предложение в двух ипостасях: первичное предложение - высказывание (речевой знак), несущее окказиональный смысл и вторичное предложение – номинатор ситуации (языковой знак), несущее узуальный смысл и представляющее собой абстракцию, извлекаемую из фактов речи путем отбора наиболее рекуррентных и типизируемых ее признаков. Поскольку смысл некоррелятивен слову, то в своей естественной “среде обитания” – на уровне предложения – он носит несуммативный, а интегративный характер. Как справедливо указывает Э. Бенвенист, “... смысл не появляется в результате сложения знаков, а как раз наоборот, смысл ... реализуется как целое и разделяется на отдельные “знаки”, какими являются *слова*” [Бенвенист 1974, 88]. Наконец, можно отметить, что хотя каждый акт речи вместе с передаваемым им смыслом всякий раз уникален и неповторим, лингвистические способы

кодирования смыслов принципиально конечны, и их анализ может представлять дальнейшую исследовательскую перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авоян Р.Г. Значение в языке. Философский анализ: Монография. – М., 1985.
2. Актуализация предложения. В двух томах. Том I: Категории и механизмы. – СПб., 1997.
3. Аполлонская Т.А., Глейбман Е.В., Маноли И.З. Порождающие и распознающие механизмы функциональной грамматики. – Кишинёв, 1987.
4. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
6. Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и значения языковых единиц // Филология и культура. 1 часть: Тезисы II-й Международной конференции, 12-14 мая 1999. – Тамбов, 1999.
7. Бондарко А.В. Синтаксическая семантика и речевой смысл. – М., 1976.
8. Бондарко А.В. Функциональная модель грамматики (теоретические основы, итоги и перспективы) // Язык и речевая деятельность. – 1998. – Т.1.
9. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. – М., 1993.
10. Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. – Киев, 1988.
11. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М., 1994.
12. Вяткина Н.Б. Смысл и онтология в логике. – Киев, 1991.
13. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // НЗЛ. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., 1985.
14. Дэвидсон Д. Истина и значение // НЗЛ. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – М., 1986.
15. Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора: Проблемы семантики в философском освещении. – Киев, 1984.
16. Жоль К.К. Язык как практическое сознание (философский анализ). – Киев, 1990.
17. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М., 1976.
18. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М., 1988.
19. Костенко Н.В. Значение и смысл как категории когнитивной лингвистики (на материале английских и русских лексико-

- фразеологических единиц с общим значением “соединить”) // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. 2 часть: Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998. – Тамбов, 1998.
20. Кубрякова Е.С. Память и её роль в исследовании речевой деятельности // Текст в коммуникации: сб. науч. тр. – М., 1991.
  21. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М., 1982.
  22. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1979.
  23. Михайлов В.А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. – СПб., 1992.
  24. Мулуд Н. Анализ и смысл: Очерк семантических предпосылок логики и эпистемологии. – М., 1979.
  25. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1996.
  26. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М., 1983.
  27. Павилёнис Р.И. Язык, смысл, понимание // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиотический анализ. – Вильнюс, 1986.
  28. Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика: Проблемы и методы. – М., 1977.
  29. Салькова Д.А. Синтаксические поля и семантическое моделирование (на базе значений немецких придаточных предложений). – Л., 1983.
  30. Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // НЗЛ. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – М., 1986.
  31. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М., 1977.
  32. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). – М., 1981.
  33. Структура и смысл (формальные методы анализа в современной науке). – Киев, 1989.
  34. Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алма-Ата, 1989.
  35. Сыроваткин С.Н. Принципы и методы лингвистических исследований в свете семиотики. – Калинин, 1979.
  36. Сыроваткин С.Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосемиотики. – Калинин, 1978.
  37. Тарасова И.П. Смысл предложения-высказывания и коммуникация: Автореф. дисс... докт. филол. наук. – М., 1992.

38. Трунова О.В. Природа и языковой статус категории модальности (на материале английского языка). – Барнаул-Новосибирск, 1991.
39. Фесенко Т.А. Концептуальные системы в контексте проблем менталитета // Филология и культура. 3 часть: Материалы II-й Международной конференции, 12-14 мая 1999. – Тамбов, 1999.
40. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. – М., 1977.
41. Храковский В.С. Некоторые особенности функциональной грамматики и её единиц // Семантические категории языка и методы их изучения. 1 часть: Тезисы докл. всесоюзн. науч. конференции. – Уфа, 1985.
42. Kintsch W. Learning, memory, and conceptual processes. – New York, etc., 1970